

Эдуард Лукоянов

Отец шатунов.

Жизнь Юрия Мамлеева
до гроба и после

УДК 82-94
ББК 84(Рос)6
Л84

*Права на изображения принадлежат следующим авторам:
с. 60 — Эдуард Лимонов, с. 163 — Василий Шапошников/Коммерсантъ,
с. 201 — Владимир Пятницкий, с. 209 — Владимир Ковенаужкий, с. 222 —
Валентин Серов, с. 309 — Алексей Беляев-Гинтовт, с. 354 — Максим
Авдеев, с. 372 — Ирина Дудина, с. 433 — Александр Повзнер.*

Л84

Лукоянов, Эдуард.

Отец шатунов. Жизнь Юрия Мамлеева до гроба и после / Эдуард
Лукоянов. — Москва: Individuum, 2023. — 496 с.

ISBN 978-5-6048295-3-0

Биографии недавно покинувших нас классиков пишутся, как правило, их апологетами, щедрыми на елей и крайне сдержанными там, где требуется расчистка завалов из мифов и клише. Однако Юрию Витальевичу Мамлееву в этом смысле повезло: сам он, как и его сподвижники, не довольствовался поверхностным уровнем реальности и всегда стремился за него заглянуть — и так же действовал Эдуард Лукоянов, автор первого критического жизнеописания Мамлеева. Поэтому главный герой «Отца шатунов» предстает перед нами не как памятник самому себе, но как живой человек со всеми своими недостатками, навязчивыми идеями и творческими прорывами, а его странная свита — как общность жутковатых существ, которые, нравятся нам это или нет, во многом определили черты и характер современной русской культуры.

 individuum

УДК 82-94
ББК 84(Рос)6

ISBN 978-5-6048295-3-0

© Эдуард Лукоянов, 2023
© ООО «Индивидуум Принт», 2023

Оглавление

<i>Пролог</i>	9
I. Смерть	23
II. Рождение	71
III. На Южинском	107
Игорь Дудинский: <i>триумф торжества</i>	112
Гейдар Джемаль: <i>радикальный экстремизм</i>	160
Ориентация — обскурантизм	173
Веселые ребята: <i>Пятницкий, Ковенацкий, Головин</i> ..	196
IV. Америка, она же Франция	227
Ю. В. Мамлеев о мире голого чистогана	244
V. Россия	313
«Россия Вечная»	328
VI. Россияшка	355
«Блуждающее время» (2001): <i>подвал в подвале</i>	376
«Другой» (2006): <i>сюрреально-онейрические электропезда</i>	393
«После конца» (2011), «Вселенские истории» (2013): <i>избушка, полная кваса</i>	411
VI.2. Румба-Макумба	423
VII. Юбилей	433
ПРИЛОЖЕНИЕ	
У Горичевой	473

Не пиши жутких книг, смотри на жуть веселее.

Юрий Мамлеев. *Другой*

Пролог

В меру прохладным майским днем 201... года в меру одаренный студент Анцетонов уверенно переступил порог своего дома. Столь же уверенно светило солнце через пену облаков, асфальт покрывали разноглубокие лужицы вчерашнего дождя. Среди подернутых зеленью кустов и деревьев производили нескладные звуки городские подобия птиц: тут и там переливался их цок-перецок. Тут же на асфальте кривлялась мокрая кошка, напрягавшая злые желто-коричневые глаза.

Первым делом Анцетонов заглянул в магазин у подъезда, чтобы унять не очень беспокоящее, но все же гудение в его коротко остриженной голове. Взял банку крепкого сладкого пива и одним глотком опустошил наполовину. Вздохнув, в два глотка закончил начатое, смял банку, бросил в зеленую урну, где слепились между собой, будто сладострастные мертвецы, коричневые окурки и какие-то обертки, похожие на позавчерашние объявления. Анцетонов закурил в раздумьях, затем сходил еще за одной.

Настроение на душе у Анцетонова было двоякое, обоюдострое. Однако проглоченное пиво жарко разливалось по внутренностям, и он смело зашагал в сторону метро.

Москва же в тот день была самая обыкновенная, после-праздничная. Под ногами кисли мокрые черно-оранжевые ленты, одинокие пьяницы суетились между разнообразными киосками, толстогрудая тетка вела за руку дочь, на которую одновременно кричала матом. Анцетонов заметил, что сейчас двухголовая плачуще-кричащая фигура эта угодит под стальное колесо трамвая. Трамвай звякнул, женщина с ребенком отскочили, студент Анцетонов швырнул очередной окурок и спустился под землю.

Путь предстоял долгий — от «Сокольников» до «Перспекта Вернадского»: через всю Москву, но хотя бы без пересадок. Анцетонов, принципиально писавший от руки, достал из рюкзака записную книжку, повертел, полистал, открыл на странице, где набрасывал вопросы, которые хотел бы, если удастся, задать там, куда он едет. Впрочем, были это не вопросы, а просто обрывки как будто случайных слов: «незримое и зримое», «запредел», «Америка», «начало» и так далее — только ему одному было понятно значение этих чернильных знаков.

В вагоне было практически пусто, но Анцетонов все равно стал в него вглядываться, ожидая подсказок. Напротив сидели двое одинаковых мужчин, похожих на депутатов. На лацканах их одинаковых пиджаков блестели значки с триколором, а в руках они держали одинаковые пакеты с символикой правящей партии. Возможно, они возвращались с собрания. Возможно, они были наемными убийцами под прикрытием.

Поодаль от них сидела женщина, похожая на старуху, ее кое-как перебинтованные ноги были подвержены гниению. Глядя на желтые и белые струпья, местами кровоточащие, Анцетонов вдруг исполнился жалостью к этому пожилому существу, ему захотелось, чтобы ноги гнили и пахли гноем с марлей у него, а не у этой пассажирки; чтобы ноги его отрезали и превратили в сувенир для иностранцев, расписав под гжель или более узнаваемую хохлому. Однако мечта эта тут же сменилась страхом заразиться. Анцетонов сделал вид, что ему

выходить на следующей станции, а когда двери открылись, перешел в соседний вагон.

Поезд ехал неспешно, останавливаясь и подолгу стоя на каждом перегоне. Похмельный пот выступал на коротких, почти невидимых волосах Анцетонова. Он придумал, чем заняться, пока поезд везет его в гости.

Анцетонов нажал на кнопки домофона — липкие от прошедшего дождя и людей. Сперва ничего не происходило, потом, когда прошло минуты две-три, домофон то ли ласково, то ли издевательски пропищал: «Кто там? Кто там?» Анцетонов представился и сообщил, что он договаривался о встрече. Домофон пропищал что-то такое же издевательски-ласковое, тяжелая дверь едва заметно приоткрылась, и Анцетонов поднялся на одиннадцатый этаж в лифте, наружность которого говорила о том, что в нем нередко застревают люди.

— Здравствуйте, Мария Александровна, — поздоровался Анцетонов с открывшей ему дверь хозяйкой. Та подслеповато глядела, силясь понять, кто это пришел.

— Маша, кто там? Маша! — донесся из квартиры тихий крик.

Уже немало пожившая хозяйка Мария Александровна на крик не ответила, но сделала вид, будто узнала псевдонезданного гостя, и аккуратно пригласила его войти, видимо оценив незначительность исходившей от него угрозы. Разувшись, Анцетонов прошел через тесный и откровенно темный коридор в одну из комнат, где на диване устало сидел хозяин квартиры на Мичуринском проспекте. Весь вид его говорил о переутомлении: желтые линзы очков подчеркивали бледную желтизну лица, на котором топорщилась щеточка коротких неопрятных усиков. Такой же щеткой топорщились на голове совершенно белые волосы.

— Здравствуйте, Юрий Витальевич, — сказал Анцетонов, не дожидаясь, когда Юрий Витальевич его узнает. На всякий случай он, впрочем, добавил, что его зовут так-то и так-то.

— Маша! Маша! Ну что ты стоишь? Чай ставь, гости пришли, — скомандовал хозяин квартиры совсем не командирским тоном. Мария Александровна засуетилась, неожиданно ловко ушагав на кухню.

Анцетонов протиснулся к дивану и уселся поодаль от Юрия Витальевича. Поспрашивал о здоровье, о том, над чем он сейчас работает. Юрий Витальевич, приободрившись от чужого присутствия, уверенно шептал в ответ. На стене глухо тикали часы, они показывали правильное время.

Мария Александровна вернулась с жидким чаем и то ли сушками, то ли баранками. Притворяясь, будто суетится, накрыла стол, принялась что-то предлагать, но Анцетонов почти от всего благодарно отказывался.

— На параде не были? — спросила Мария Александровна.

— Нет, не был, — грубовато отрезал Анцетонов, прячась за чашкой чая.

— А мы по телевизору смотрели, — настаивала Мария Александровна, — так красиво!

— Да, очень красиво, — сдался Анцетонов. — А я вам музыку принес послушать, о которой в прошлый раз рассказывал.

И Мария Александровна, и даже Юрий Витальевич с интересом проследили, как Анцетонов открывает рюкзак и достает из него две пластмассовые коробочки портативных колонок. Вскоре они загудели, потом защелкали и затрещали, будто сломанные, но это была обещанная музыка. Анцетонов объяснил:

— Группа Coil, альбом *Musick to Play in the Dark*, «Музыка для прослушивания в темноте»... Может, шторы завесим? — предложил он.

— Да я и так ничего не вижу, — возразил Юрий Витальевич потрескивающим, но внятным гортанным шепотком.

Остались при свете. Еще несколько минут слушали, как трещат и заунывно посвистывают колонки, исторгающие из себя песню о важности правильного питания. Теперь она

уже не казалась Анцетонову такой хорошей, как обычно. Казалось, она никогда не кончится, а ему придется целую вечность сидеть и смотреть, как Юрий Витальевич слушает эти гудения, больше напоминающие то, что творится в голове у кота. Анцетонов прервал это музыкальное молчание рассказом:

— Это английская группа мистиков-эзотериков. Они изучали Телему, Алистера Кроули, сексуальную магию и выражали свои исследования в музыке. С ними Берроуз, например, общался плотно.

Юрий Витальевич внимательно слушал и согласно кивал. Анцетонов, одновременно рассказывая про английских мистиков, незаметно переключал музыку, чтобы никто не обратил внимания, как долго она длится и какие странные, откровенно нелепые звуки в ней встречаются. На ладонях его выступило что-то вроде пота.

— Вы Кроули читали? — спросил Анцетонов.

— Да, да, читал, — кивнул Юрий Витальевич.

— И что по этому поводу думаете?

Хозяин в желтых очках задумался, будто подбирая какие-то слова. Мария Александровна залепетала было о том, что ему нельзя напрягаться, но Юрий Витальевич был непреклонен. Пока он размышлял, чуть морща сухие губы, карнавальная музыка, принесенная Анцетоновым, не унималась, гудя теперь чем-то вроде труб.

Юрий Витальевич наконец произнес с неожиданным для Анцетонova восхищением:

— Музыка такая, будто ты уже умер!

Анциетонов нервно, но тоже восторженно засмеялся. Мария Александровна помрачнела с явным неудовольствием:

— Юрочка, ну ты как скажешь! Музыка как музыка. Красивая музыка! Необычная.

— Нет, — возразил Юрий Витальевич. — Музыка эта такая, будто ты уже умер и уже мертвый слушаешь пение мертвецов, которые прибыли в мир иной куда раньше тебя.

— А вы из какого издания? — перебила супруга Мария Александровна.

— «Тверской бульвар, 25», — сказал студент Анцетонов. Мария Александровна нахмурилась, прикидывая, знает ли она что-нибудь о таком «издании».

— Это альманах Литературного института имени Горького, — прекратил ее мучения студент Анцетонов.

— А! — воскликнула хозяйка дома. — У Юрочки там полно друзей! Эта, как ее... Олеся...

— Николаева, — встрял Анцетонов в не успевший толком начаться монолог Марии Александровны.

— Да-да-да! — явно обиделась, но все же изобразила благодарность Мария Александровна. — Олеся Николаева! У нее муж еще такой интересный... Вы его не знаете?

Анцетонов сделал вид, будто задумался, но тут же поймал себя на неискренности этой задумчивости и просто отрицательно помотал головой. Пришлось Марии Александровне рассказать о муже Олеси Николаевой, а Анцетонову, в свою очередь, пришлось пропустить этот рассказ мимо ушей.

— Понимаете, — раздался наконец голос Юрия Витальевича, когда Мария Александровна закончила, — есть разные уровни понимания. Вот это нижний уровень понимания — оккультизм без Традиции, голая оккультная наука, которая в таком виде не отличается от науки материалистической. Это нижние воды, контрпосвящение, которое закрывает путь в небо на семь печатей. Далее следует понимание оккультное, но уже замешанное на Традиции. Это второй уровень. За ним идет уровень третий — Женевская конвенция.

— Женевская конвенция? — переспросил Анцетонов.

— Женевская конвенция, — подтвердил Юрий Витальевич. — Ну а потом начинаются уже истинные уровни понимания: религиозное, метафизическое, Рене Генон, «Начала» Оригена, Майстер Экхарт, а на вершине всего этого — индийская метафизика, метафизика Веданты. Конечно, человек может проделать весь этот путь, от первого уровня до вершины,

но это не каждому дано, можно сказать — единицам. Английские вот эти мистики, они на первом уровне остались. Понимаете, вот есть йога как глубинная метафизическая практика, а есть йога оздоровительная, в которой ничего нет от той традиции, от той практики, которой она была и есть изначально. Профанация, профанация...

«Надо было хоть тортик взять», — подумал вдруг Анцетонов, заметив, как Мария Александровна двигает туда-сюда по столу вазон с баранками.

— Ну а как вам музыка? — сказал вслух Анцетонов, сложив пальцы замком. Тем временем в колонках звучал аккордеон, исполняющий нечто вроде того, что иногда ошибочно принимают за русское народное.

— Музыка такая, будто ты уже умер, — ответил Юрий Витальевич. — Похоже на музыканта одного петербургского. Как его? Не от мира сего такой... Как же его...

— Каравайчук?

— То ли Каравайчук, да, то ли Ковальчук, — задумался Юрий Витальевич, нахмутив не очень тяжелые брови, — то ли Куройчук. Маша должна знать... Маша, как звали того музыканта петербургского, который такую вот музыку играл? В очках такой.

Мария Александровна приложила палец не то к подбородку, не то ко рту, явно что-то вспоминая. На диван молча прыгнул похожий на подсолнечное масло кот Василий. Анцетонов окинул взглядом книжные шкафы, на которых, впрочем, не обнаружилось ничего паранормального: собрания Достоевского и Льва Толстого, некоторое количество Максима Горького, Чехов, русская классическая поэзия, скромные, почти нищенские издания философов, которые можно встретить в любом сетевом магазине. Несколько обособленно чернели мягкие корешки Бориса Акунина и каких-то писателей, имена которых гостю ничего не говорили: видимо, попали сюда эти безвестные книжки из рук самих авторов, их написавших.

— Курехин! — воскликнула Мария Александровна. — Сережа Курехин! Он Юру очень любил. Юра, скажи — на Курехина похоже?

— Да, да, — снова закивал Юрий Витальевич, — очень похоже.

Анцетонов достал записную книжку, полистал, вернул обратно. Спросил, как научиться различать незримое в зримом. Юрий Витальевич как будто не понял вопроса и ушел от ответа, вместо этого потребовав еще чаю. Только Мария Александровна вышла, как хозяин дома обратился к гостю, переменяв тон с устало-благостного на приободренный, но оттого менее понятный:

— Ну ты бы хоть цветочков ей принес, — сказал он, кивнув в сторону кухни. И тут же добавил: — Да хоть бы и картошки мешок.

— В следующий раз, — ответил Анцетонов. — В следующий раз обязательно принесу...

Юрий Витальевич подмигнул сразу двумя обмельчавшими и почти незрячими глазами. «Хоть бы картошки мешок», — повторил он полупшепотом. От этой словно невзначай оброненной реплики в душе у Анцетонова что-то щелкнуло, на лбу и ладонях появились моментальные капельки пота, даже в ногах зябко похолодело. Он вспомнил, чем занял себя, пока ехал в метро, и сказал:

— Юрий Витальевич, не знаю, как бы вам это получше объяснить, но...

На этом «но» Анцетонов осекся. К счастью, вернулась Мария Александровна. Никакого чая она не принесла, однако вторжение ее помогло переменить тему беседы. Анцетонов попросил рассказать, как им жилось в Америке, про Южинский кружок и, в конце концов, о том, как зовут кота Василия, который все это время сверлил гостя злыми немигающими блюдечками глаз. Анцетонов заметил на своих брюках бело-рыжие клочочки шерсти, хотя он не мог вспомнить, чтобы Василий об него терся. Мария Александровна, будто

вторя коту, ласково-безучастно смотрела на него блеклыми зрачками.

— А что вы думаете о фильмах Дэвида Линча? — спросил Анцетонов.

— Кого? — не понял Мамлеев.

— Дэвида Линча, — настаивал Анцетонов. — «Синий бархат», «Малхолланд Драйв»... Не смотрели? Вас иногда называют русским Дэвидом Линчем.

— Ой, Юра, надо обязательно посмотреть, с кем это тебя сравнивают, — заметила Мария Александровна.

Юрий Витальевич, однако, задумался о чем-то своем, и даже он сам не мог бы сказать, о чем именно: о жизни в Америке, необходимости просмотра фильмов Дэвида Линча, коте Василии и том, как он научился оставлять свою шерсть на людях, не прикасаясь к ним, или о мешке картошки. В спрятанных за желтыми линзами глазах его читалось, что все эти вещи и явления обладали для него равной ценностью.

— А Юфита не смотрели? — не унимался гость.

— Кого?

— Евгения Юфита, некрореалиста.

О некрореалисте Евгении Юфите хозяин впервые слышал.

— Может, вы нам как-нибудь кинопоказ устроите? — спросила Мария Александровна то ли искренне, то ли изощренно издеваясь — Анцетонов перестал различать.

— Это мысль, — сказал он. — Проектор, думаю, найдем. А расскажите, пожалуйста, как вы писали «Шатунов»?

— В бане, — невозмутимо ответил Юрий Витальевич. — «Шатунов» я писал в бане.

Мария Александровна вдруг расхохоталась — то ли словам мужа, то ли чему-то своему, не касающемуся никого из присутствующих. Анцетонов посмотрел на хозяйку дома, но та ничего не сказала в ответ на его взгляд. Мария Александровна вновь спросила, для какого журнала пишется интервью. Анцетонов ответил. «Экземпляр нам передадите, когда